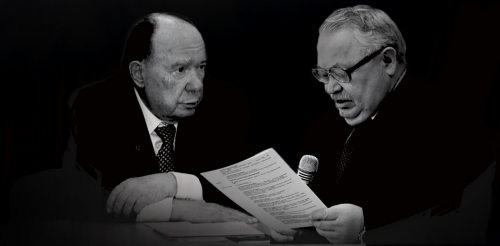

ВЕЛИЧАЙШИЕ ПОДЛОГИ В ИСТОРИИ

ПАКТ МОЛОТОВА- РИББЕНТРОПА

ТАЙНА СЕКРЕТНЫХ ПРОТОКОЛОВ

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и дружбу на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. Обе Стороны пришли к соглашению в следующем:

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обеими государствами государственными интересами на территории бывшего Польского государства следующую линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и которая будет описана в дополнительном протоколе.

Обе Стороны признают, что эта граница устанавливается в соответствии с государственными интересами обеих Сторон и не затрагивает никаких национальных претензий.

АЛЕКСЕЙ КУНГУРОВ

Алексей Анатольевич Кунгуров
Пакт Молотова-Риббентропа.
Тайна секретных протоколов
Серия «Величайшие
исторические подлоги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39448200

Пакт Молотова – Риббентропа: тайна секретных протоколов /

Алексей Кунгуров; Родина; Москва; 2018

ISBN 978-5-907024-67-0

Аннотация

Книга известного историка и публициста Алексея Кунгурова посвящена разоблачению мифа о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 года одновременно с заключением пакта о ненападении между СССР и Германией. Автор отвечает на вопрос, кто и зачем начал внедрять в массовое сознание этот миф о сговоре с Гитлером, и рассказывает, как современные «историки» и чиновники сфабриковали «оригинал» протоколов, найденный, по официальной версии, в 1992 году в архиве президента России.

Содержание

Пролог	4
Договор	10
Протокол	40
Гальдер	69
Молотов	84
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алексей Кунгуров

Пакт Молотова – Риббентропа: тайна секретных протоколов

Он наполнил бокалы и поднял свой.

– Итак, за что теперь? – сказал он с тем же легким оттенком иронии. – За посрамление полиции мыслей? За смерть Старшего Брата? За человечность? За будущее?

– За прошлое, – сказал Уинстон.

– Да, прошлое важнее, – веско подтвердил О'Брайен.

Джордж Оруэлл, «1984».

Пролог

24 декабря 1989 г., Москва, Кремлевский Дворец съездов. На II Съезде народных депутатов СССР прораб Перестройки Александр Яковлев зачитал «Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Этот документ часто именуют просто докладом Яковлева. 24 февраля 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литовской ССР большинство мест

получают кандидаты, поддержанные «Движением за пере­стройку» («Саюдис»). 11 марта 1990 г. новый состав Верхов­ного Совета республики провозглашает независимость Лит­вы. Союзное правительство в Москве отказалось признать независимость республики и начало экономическую блока­ду Литвы, которая показала свою безуспешность и была от­менена в июле. Литовское и союзное правительства начали переговоры.

Противники независимости, члены литовской компартии, оставшейся на платформе КПСС после раскола КПЛ и со­здавшие «Комитет национального спасения» во главе с Ми­коласом Бурокаявичюсом¹, встали в оппозицию к сепарати­стам. 13 января 1991 г. в Вильнюс были введены войска. Во­прос о непосредственном инициаторе войсковой операции остается открытым, президент СССР и главнокомандующий Михаил Горбачев публично заявил 14 января, что узнал о ней из газет, придерживается он этой позиции и поныне. В тот день возле телебашни в Вильнюсе погибло 14 человек, в том числе боец группы «Альфа» лейтенант Виктор Шатских. Суд по факту этих смертей в Литве длился в общей слож­ности более 6 лет, однако вину советских военнослужащих в убийстве мирных жителей доказать не удалось. Кем был убит спецназовец КГБ, установлено не было. Армия не стала

¹ Миколас Бурокаявичюс – первый секретарь Коммунистической партии Литвы, входящей в КПСС. В 1994 г. похищен литовскими спецслужбами на территории Белоруссии, тайно доставлен в Литву и брошен в тюрьму, где провел 12 лет.

штурмовать здание Верховного Совета. Вильнюсская бойня спровоцировала всплеск сепаратистского движения во всей Прибалтике. Москва потерпела жесточайшее моральное и политическое поражение

На референдуме, проведенном в феврале 1991 г. более 90 % его участников (около 84 % избирателей) проголосовало за выход Литовской республики из состава СССР. 19–21 августа 1991 г. в Москве происходят события, получившие название путча ГКЧП. В результате путча союзное правительство фактически полностью утрачивает власть, которую концентрируют в своих руках республиканские руководители. 1 декабря на Украине прошли выборы президента и референдум о независимости, на котором по официальным данным за независимость Украины высказалось 90,32 % участников голосования. 5 декабря новоизбранный президент УССР Леонид Кравчук объявил, что Украина денонсирует договор 1922 г. о создании СССР. 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще президентами Российской Федерации Ельциным, Украины – Кравчуком и председателем Верховного Совета Белоруссии Шушкевичем подписывается соглашение об объявлении договора 1922 г. о создании СССР недействительным. Решение было абсурдным, так как договор 1922 г. был поглощен конституцией 1924 г., а для пересмотра Конституции предполагался совсем другой порядок, но эти юридические тонкости уже не имели значения перед лицом факта развала страны.

Ельцин немедленно сообщил о происшедшем президенту США Джорджу Бушу и заручился обещанием международного признания акта о ликвидации СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал постановление о выходе республики из состава СССР («за» – 161 депутат, «против» – 3, воздержались -9). 25 декабря Михаил Горбачев сложил с себя полномочия президента, и Советский Союз де юре прекратил свое существование.

Спрашивается, какое значение на фоне столь масштабных исторических событий имел доклад Яковлева, зачитанный на Съезде народных депутатов, и касавшийся событий полувековой давности? Как обнародование подробностей договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, подписанное в августе 1939 г. могло повлиять на текущую политику? На самом деле, этот акт имел громадное значение. Тот, кто знаком с технологиями управления толпой, знает, что контроль над историческим сознанием масс дает колоссальную власть над ними. Тот, кто способен изменить прошлое – тот и формирует будущее. Можно прибегнуть к такой метафоре: история – это руль корабля. Руль находится на корме, но нос судна смотрит только в ту сторону, куда поворачивается руль.

Многих моих соотечественников, контактирующих с иностранцами, часто шокирует, насколько они обладают стерилизованными представлениями о прошлом даже своих стран, не говоря уж о мировой истории. Многие испанцы

не знают, кем был генерал Франко. Американцы совершенно не в курсе, что штат Калифорния отторгнут Соединенными Штатами у Мексики в ходе захватнической войны 1846–1848 гг. Некоторые опросы показывают, что каждый пятый житель США уверен, будто атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили русские. И эта кастрация исторической памяти вовсе не случайна. Богатые страны способны потратить достаточно средств на образование своих граждан, однако на деле громадные деньги тратятся именно на стерилизацию их мышления. Элитам нужно манипулируемое быдло, а не народ-носитель политической воли. Уничтожение исторической памяти преследует именно эту цель – лишение народа политической воли, превращение его в атомизированную массу потребителей, легко поддающуюся манипулятивному воздействию. Джордж Оруэлл вовсе не выдумал министерство правды, переделывающее прошлое, в своем знаменитом романе «1984», он просто срисовал его с натуры.

Цель, которую преследовали перестройщики и их закордонные вдохновители – уничтожение СССР. Сделать это можно было двумя путями: либо путем вооруженного насилия извне; либо следовало сформировать разрушительные силы внутри советского государства. Первый путь в отношении ядерной державы, конечно, был неосуществим. Поэтому была сделана ставка на создание сепаратистских движений в национальных республиках Советского Союза. Ведущая роль отводилась трем прибалтийским республикам –

Литве, Латвии и Эстонии. Для мобилизации масс под знаменем сепаратистов нужна была мощная идея, возбуждающая ненависть к русским. Таким мобилизующим фактором стал миф о вероломной оккупации прибалтийских стран Советским Союзом в 1940 г. Базировалась эта установка на другом мифе – о подлом сговоре между Молотовым и Риббентропом, которые, якобы в августе 1939 г. цинично «распилили» Восточную Европу. Этот миф был, кроме прочего, направлен на раскол советско-польского послевоенного содружества и, как следствие, развал всего военного блока Варшавского договора. Таким образом, созданию мифа о «пакте Молотова – Риббентропа» внедрению его в массовое сознание придавалось стратегическое значение.

Договор

Сговор был выражен, якобы в договоре о ненападении между двумя державами, подписанном в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом и председателем советского правительства и по совместительству народным комиссаром иностранных дел Вячеславом Михайловичем Молотовым. В историю дипломатии этот договор вошел под нарицательным именем «Пакт Молотова – Риббентропа». Уже сам этот ярлык является манипулятивным, ибо существенно искажает суть соглашения. Сам по себе этот межгосударственный договор не может быть признан враждебным какой-либо третьей стране или преступным, договор о ненападении Германия имела со многими странами, в том числе с Великобританией, Францией, Польшей. Вот текст советско-германского договора, опубликованный в советской прессе 24 августа 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию

Правительства СССР

В. Молотов

За Правительство

Германии

И. Риббентрон²

Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и Рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября

² Цит. по: «Известия», 24 августа 1939 г.

1939 г. Как видим, ни о каком разделе Восточной Европы речь здесь не идет. Единственным отступлением от норм, принятых советской дипломатией, являлось отсутствие положения о том, что договор может быть расторгнут одной стороной в случае, если другая сторона совершит агрессию против третьей страны. Но стоит заметить, что подобная щепетильность была тогда совсем не в духе мировой дипломатии (да и сегодня тоже). Поэтому заявлять, что Советский Союз таким образом косвенно способствовал развязыванию войны в Европе, совершенно недопустимо. Второй нюанс, который обращает на себя внимание – пункт о том, что договор вступает в силу немедленно, а не после ратификации парламентами двух стран (включен по настоянию германской стороны). Впрочем, это формальность, никто не сомневался в том, что договор будет ратифицирован и Рейхстагом и Верховным Советом.

Момент подписания договора о ненападении между Германией и СССР. Кремль, 23 августа 1939 г.

В ситуации разворачивающегося германо-польского кризиса у Советского Союза было несколько вариантов действий:

- а) создать антипольскую коалицию с Германией;
- б) заключить соглашение о военном сотрудничестве с Польшей;
- в) присоединиться к англо-французским гарантиям в от-

ношении Польши, на что опять же необходимо было получить согласие Варшавы;

г) сохранять нейтралитет, преследуя исключительно собственные интересы.

Вопрос об альянсе с Германией никогда не ставился в повестку дня. Если бы СССР напал на Польшу совместно с Германией, то Англия и Франция должны были объявить ему войну, чего Москва совершенно не желала. Польша, как известно, наотрез отказалась заключать какие-либо военные соглашения с Советским Союзом. Речь даже не шла о взаимных обязательствах, Советский Союз предлагал Польше одностороннюю и бескорыстную военную помощь в случае немецкого вторжения. Если немцы нападут на Польшу, Франция, связанная договором с Польшей, объявит войну немцам, а Польша должна предоставить союзнику Франции – СССР – узкий коридор, чтобы Красная Армия могла войти в боевое соприкосновение с немцами.

Задним числом историки сегодня объясняют польское упрямство страхом, который они якобы испытывали перед большевистскими ордами. Мол, войдя в Польшу под благовидным предлогом, Советы оккупируют страну, после чего замирятся с немцами. Но гарантом против этого выступали Франция и Англия. Они, в конце концов, могли первыми замирились с немцами и устроить совместный «дранг нах остен», так что советская сторона рисковала куда более Польши. Такой вариант развития событий был для СССР

еще хуже по последствиям, чем военный союз с Гитлером. Насчет того, что поляки боялись Советскую Россию – это, конечно, полная чушь. Уж так они боялись, что все предвоенные годы их генштаб составлял «оборонительные» планы, целью которых был выход Польши к Черному морю и включение в состав Речи Посполитой Правобережной Украины. Так или иначе, но Варшава решительно отвергла все советские инициативы. Известна пафосная фраза, брошенная министром иностранных дел Польши Бекком по этому поводу: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу». Да, такая вот загадочная польская душа.

Историческая ирония заключается в том, что поляки, как этнос (с их пресловутой душой), сохранились именно благодаря России. После ликвидации Польши Венским конгрессом 1815 г. автохтонные польские земли были поделены между Россией, Австрией и Пруссией. На попавших под власть немцев землях не то что польской автономии не существовало, но и проводилась довольно настойчивая германизация. Польский язык стремительно исчезал из повседневного оборота, особенно в городах, лютеранство постепенно вытесняло традиционное для поляков католичество, а уж о такой роскоши, как польский университет, ляхи не могли даже мечтать.

В составе Российской империи с 1815 г. находилось Царство Польское со своей армией, национальной администрацией, денежной единицей, Конституцией (сама Россия яв-

лялась абсолютной монархией). Налоги в русскую казну поляки не платили, таможенные пошлины на ввоз товаров из Польши отсутствовали, чем вовсю пользовалось тамошнее купечество, наживаясь на торговле европейским импортом. При этом расходы на содержание польской армии несла российская казна. Единственным «ущемлением» польского правительства было то, что оно не имело возможности самостоятельно проводить внешнюю политику – этот вопрос полностью находился в компетенции русского царя Александра I, который являлся также и польским королем.

Правда после двух шляхетских восстаний польские вольности были существенно урезаны, но даже после упразднения Царства Польского и переименования его в Привислинский край там не проводилась политика русификации или религиозного ущемления. В делопроизводстве применялся польский язык, русский не преподавался в обязательном порядке в школах, католики пользовались всеми правами граждан империи, а вот от некоторых обязанностей, например, воинской повинности, были освобождены. Если уж, согласно советским пропагандистским штампам, считать Российскую империю тюрьмой народов, то в этой тюрьме два народа – польский и финский по тюремным понятиям были блатными, то есть имели привилегированное положение. Впоследствии именно 10 польских губерний в составе России стали ядром восстановления независимой Польши в 1918 г.

В этой связи многие исследователи совершенно не в силах понять фанатическую польскую русофобию 20–30 годов, считая ее либо проявлением дикого иррационализма польской элиты, либо гипертрофированным выражением антибольшевизма. Польский антибольшевизм, кстати, выглядит столь же иррациональным, как и русофобия, если учесть, что именно большевики выступали за независимость Польши еще до 1917 г., а после взятия власти с готовностью признали ее независимость.

На самом деле польская ненависть к Советскому Союзу имеет вполне очевидное объяснение. Поляки в версальской Польше составляли чуть более 40 % населения, остальные были украинцами, белорусами, евреями и немцами. Более 13 миллионов человек проживали на территориях, захваченных Польшей в ходе советско-польской войны 1920 г. При этом Польша была ярко выраженным расистским государством. Все «нетитульные» народы страны подвергались жестокому политическому, экономическому, религиозному и культурному угнетению. Русские, украинские и белорусские школы закрывались, для устрашения национальных меньшинств, сопротивляющихся полонизации восточных окраин Речи Посполитой был даже создан концлагерь в Березе Картузской.

В этой связи шляхта, действительно, как огня боялась пропустить Красную Армию даже по узким коридорам, поскольку это могло спровоцировать мощные антипольские

выступления в Западной Белоруссии и Западной Украине. Собственно, так и произошло в сентябре 1939 г, когда белорусы и украинцы начали стихийно расправляться с ненавистными осадниками и полицейскими. В городах происходили восстания, в которых ведущую роль играли коммунисты. То, что польская армия с первых же дней немецкого вторжения обратилась в бегство, так и не дав интервентам сколь-нибудь значимого сражения, тоже можно считать результатом расистской политики Варшавы по отношению к большей части своих подданных. Как могла армия стоять на смерть, если половина ее солдат не имела причин горячо любить польское государство? Белорусские хлопцы в сентябрьские дни 39-го весело распевали частушку:

Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем бараніць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.

Я говорю об этом только для того, чтобы стало понятно, почему польское правительство ни при каких обстоятельствах не могло пойти на военное сотрудничество с СССР. Это действительно ставило под угрозу польскую государственность, однако причины состояли во внутренней несостоятельности «уродливого детища Версальского договора», как охарактеризовал тогдашнюю Польшу Вячеслав Молотов, а не в «имперском экспансионизме» Москвы, тогда еще ни-

как не проявившемся.

Советское правительство неоднократно выступало с предложениями по созданию в Европе коллективной системы безопасности. Даже после Мюнхена. Даже видя, как Англия явно науськивает Германию на СССР. 15 марта, в день оккупации немцами Чехословакии, нарком иностранных дел Литвинов предложил созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей гитлеровской агрессии. Английский премьер-министр Нэвилл Чемберлен назвал это предложение преждевременным. 17 апреля Литвинов предложил подписать трехстороннюю военную конвенцию о взаимопомощи между

Англией, Францией и Советским Союзом. К этому альянсу могла бы при желании присоединиться и Польша.

Суть предложения сводилась к тому, что Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. Так же этот трехсторонний договор гарантировал безопасность восточно-европейских стран и предусматривал военную помощь им в случае агрессии.

Но даже этот договор о намерениях, без каких либо конкретных обязательств по отношению к СССР, не был подписан. Как заявил 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс, «вре-

мя еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения» (нуда, время созрело, когда люфтваффе стали бомбить Лондон). Английское правительство демонстративно тянуло с ответом до 8 мая и ответило на советскую инициативу отказом. 31 мая глава правительства Вячеслав Молотов (по совместительству наркоминдел после отставки Литвинова 3 мая), выступая в Верховном Совете СССР, повторил ранее сделанные предложения Англии и Франции (трехсторонний договор о взаимопомощи, гарантии малым государствам, военная конвенция). Но при этом глава советского внешнеполитического ведомства отметил, что СССР не избегает сотрудничества и с другими странами, в частности с Германией и Италией. Этот пассаж с благосклонностью был встречен в Берлине, где уже начали подумывать о нормализации отношений с Советским Союзом в свете обострения германо-польских отношений.

Намек на готовность к диалогу с Берлином и Римом прозвучал из уст генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина еще 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б). Впоследствии эта сталинская речь, названная на Западе речью о жареных каштанах, получила широкую известность, и иные историки пытаются представить, как инициативу советской стороны по сближению с Германией. Однако никаких реальных последствий выступление Сталина не имело.

В конце мая на фоне некоторого потепления советско-гер-

манских отношений забеспокоившиеся англичане и французы, наконец, согласились обсудить поставленные Москвой вопросы. С советской стороны возобновившиеся 15 июня переговоры вел Молотов, с англо-французской – дипломаты второстепенных рангов, что воспринималось советским руководством как свидетельство несерьезного отношения западных партнеров к переговорам. Вялотекущие политические консультации велись в общей сложности с 10 апреля до конца июля 1939 г., но закончились фактически ничем. 2 августа СССР заявил, что будет вести политические переговоры только после достижения военного соглашения. Англия и Франция были вынуждены послать военную делегацию, дабы не предстать в глазах мировой общественности виновниками срыва переговоров. Однако, не смотря на настойчивые просьбы СССР прислать делегацию самолетом, англичане не сочли нужным спешить, и переговорщики отплыли из Лондона 5 августа пассажирско-грузовым пароходом, прибыв в Москву через Ленинград только 11 августа. При этом они прислали в Москву в качестве главы делегации второстепенного чиновника МИД Стрэнга, а в качестве представителя Генштаба – генерала Дракса, имевшего в то время небольшой вес в военном руководстве. Для сравнения: на переговоры в Польшу незадолго до этого летал начальник британского Генерального штаба генерал Айронсайд, а Чемберлен в течение нескольких предшествующих месяцев трижды лично прилетал на встречу с Гитлером.

12 августа начались переговоры, которые советской стороны вел нарком обороны Климентий Ефремович Ворошилов, что подчеркивало значение, которое советское правительство придавало вопросу общеевропейской безопасности. Французы были настроены более благожелательно, чем англичане (еще бы, ведь Германию от Франции отделял лишь пограничный шлагбаум, а не море!) но находились в полной зависимости от Лондона во внешнеполитических делах. Ворошилов поставил перед англо-французами ряд конкретных вопросов, на которые они не смогли дать внятных ответов, так как не имели полномочий на ведение полномасштабных военных переговоров. СССР даже раскрыл план развертывания своих вооруженных сил, согласно которому против Германии должны были действовать до 136 дивизий. Представители Англии и Франции не предоставили подобных планов.

Через день был поднят вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши, по виленскому и галицийскому коридорам – без чего, по мнению советской стороны, не могла быть отражена возможная германская агрессия. На этом переговоры зашли в тупик, потому что Польша наотрез отказалась рассматривать такой вариант, а Франция не смогла (или не захотела) убедить поляков согласиться на военную помощь СССР. Уильям Ширер, автор широко известной книги «Взлет и падение третьего рейха» классифицирует такое поведение поляков, как «непостижимую глупость», что

является по сей день общепринятой точкой зрения. Какова же была реальная причина польской «советофобии», указано выше.

В целом англо-французы были не против создания коалиции, но пытались свести дело к тому, чтобы не иметь прямых обязательств по отношению к Советскому Союзу, который был обязан прийти на помощь «союзникам» в любом случае. 17 августа Ворошилов временно прервал переговоры и объявил, что дальнейший их ход зависит от ответа Англии и Франции на поставленные советской военной миссией принципиальные вопросы, прежде всего о пропуске советских войск Польшей. Он предупредил, что, если в течение двух дней ответы получены не будут, переговоры придется прекратить окончательно. В указанный срок ответа не последовало. 21 августа западные делегации предложили отложить заседание еще на 3–4 дня. В ночь на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении. Советское руководство выступило с заявлением, что данный факт не является препятствием для заключения соглашения о взаимопомощи с другими странами, но английская и французская делегации, убыв на родину «для консультаций», в Москву уже не вернулись.

Антисоветски настроенные историки пытаются представить дело так, что СССР вел переговоры с Западом для вида, лишь для того, чтобы использовать их как ширму и средство давления на Германию для скорейшего заключения «сгово-

ра». В качестве аргумента неизменно приводится тот факт, что 11 августа – в день прибытия в Москву англо-французской делегации, Политбюро приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин». Но, во-первых, советская сторона настаивала на заключении именно торгового соглашения с Германией, без чего отказывалась серьезно обсуждать все иные вопросы.

Во-вторых, если Москва еще только известила немцев о желании вступить в контакт, то в Лондоне в это время уже шли англо-германские переговоры ни много, ни мало, о разделе мира! Англия готова была признать страны Юго-Восточной Европы сферой государственных интересов Германии, а также предоставить рейху доступ к эксплуатации африканских колоний. Однако немцы, не доверяя англичанам, отклонили их предложения. К тому же в колониях они, вопреки расхожему мнению, не нуждались. Советское правительство знало об этих переговорах, и даже получило по каналам внешней разведки некоторые подробности, что, безусловно, подтолкнуло к активизации переговорного процесса с Германией и убедило в несерьезности намерений Великобритании в отношении военного сотрудничества с Советским Союзом. Усугубляло ситуацию и то, что правительства западных стран начали вводить эмбарго на поставку в СССР определенных видов товаров и промышленного оборудования.

Итак, военного союза с Германией советское правительство не желало, а западные державы, прежде всего Великобритания, не желали брать какие-либо взаимные военные обязательства перед СССР. Польша категорически отвергла даже односторонние военные гарантии Москвы в случае германской агрессии. Румыния так же отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Оставался последний вариант – нейтралитет. Некоторые исследователи считают, что договор с Гитлером означал для Москвы выбор меньшего зла, то есть Советскому союзу они отводят роль объекта, а не субъекта большой политики. Нет, речи об уступках кому-либо не шло. Уж если СССР занял нейтральную позицию, преследуя собственные интересы, то и заключение договора о ненападении было нашей стране выгодно – Германия очень щедро заплатила за него, к тому же авансом. Изначально немецкая дипломатия рассчитывала лишь на совместную декларацию о неприменении силы друг против друга. Однако 15 августа в ответ на послание министра иностранных дел Германии Риббентропа, в котором тот выражал готовность лично приехать в Москву для выяснения германо-советских отношений, Молотов предложил заключить договор о ненападении, но непременно условием поставил заключение широкого торгового соглашения. 19 мая 1939 г. в Берлине это соглашение было подписано. Газета «Правда» 21 августа сообщила по этому случаю следующее:

«19-го августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-Кредитное Соглашение между СССР и Германией. Соглашение подписано со стороны СССР – Зам. Торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны – г. Шнурре. Торгово-Кредитное Соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 миллионов германских марок, сроком на семь лет из 5 % для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания Соглашения. Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т. е. в течение двух лет на сумму в 180 миллионов германских марок».

По этому кредиту Сталин потребовал от Германии не ширпотреб, а ценное промышленное оборудование для нужд военной промышленности, передовые технологии и вооружение!!). Когда Германия, скрепя сердце, согласилась удовлетворить столь обширные советские требования, СССР подписал с ней 23 августа 1939 г. договор о ненападении. Он был нужен именно Германии, Советскому Союзу он никаких гарантий не давал. Советская же сторона получила взамен поставки (прежде всего военные), важность которых трудно переоценить в свете приближающейся войны.

Критики этого соглашения через полвека пытались обосновать мысль, что заключение договора о ненападении принесло нашей стране только вред, поскольку, де, усыпило бдительность и позволило Германии внезапно напасть на СССР

и нанести катастрофические потери Красной Армии. Мнение это широко распространено, но ничем не обосновано. Факты показывают, что именно с августа 1939 г. в Советском Союзе разворачивается форсированное военное строительство – за два года РККА увеличила свою численность почти втрое. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. Одновременно проводилась широкая программа по техническому переоснащению армии. На утрату бдительности и самоуспокоение это никак не походит. Критики Сталина неизменно указывают на его подозрительность даже по отношению к ближайшим соратникам, однако при этом делают абсурдные заключения о том, что Гитлеру он верил. Никаких фактов, прямо свидетельствующих о доверии Сталина к немецкому диктатору, они не приводят, а свидетельства обратного старательно игнорируют. В результате эта концепция получается довольно хлипкой, и используется ныне лишь в сфере пропаганды, оставаясь за рамками серьезной научной дискуссии.

Наконец последний аргумент критиков заключается в «аморальности» самого факта заключения каких-либо сделок с Гитлером. Если принять такую точку зрения, то придется объявить аморальной саму дипломатию, которая апеллирует лишь к целесообразности и выгоде, но никак не к морали. СССР перед войной пытался проводить открытую политику, чего другие державы старательно избегали. Например, политические англо-франко-советские переговоры вес-

ной-летом 1939 г. зашли в тупик из-за нежелания Англии и Франции принять советское определение понятия «косвенная агрессия», при котором союзные обязательства вступали в силу. В советском варианте она определялась следующим образом: «Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств [страны, пограничные с СССР, а также Бельгия и Греция] соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон».

Это было расценено англо-французами как требование СССР предоставить ему возможность по желанию и под любым предлогом вводить свои войска в соседние страны, прежде всего прибалтийские республики. Повышенное внимание советской стороны к Прибалтике было отнюдь не случайным. Как выяснилось в ходе переговоров, западные державы не намерены давать гарантий безопасности Литве, Латвии и Эстонии, что в Москве расценили как явный намек Гитлеру на маршрут, по которому тому следует направить свою экспансию. Хочу напомнить, что в то время Германия имела с Литвой общую границу, и потому гипотетически могла атаковать СССР через Прибалтику даже в обход Польши.

Со своей стороны западные партнеры предлагали такой

вариант договора, при котором наличие «косвенной агрессии» устанавливалось лишь после трехсторонних консультаций. Вот и скажите, кто в данном случае вел себя аморально и лицемерно? СССР хотел честно предупредить малые страны, что их добровольное содействие военным устремлениям Германии или подчинение ей под давлением будет расценено как агрессия и неминуемо приведет к ответным мерам. Таким образом, правительства этих стран получали возможность адекватно оценивать последствия своих сношений как с Германией, так и с ее политическими противниками. Англо-французы же не желали формулировать четкие критерии вступления в силу союзных обязательств, оставляя этот вопрос исключительно на свое усмотрение. Мол, захотим – признаем Грецию косвенным агрессором всего лишь за поставку оливкового масла в Германию, потому что оно идет в пищу немецких солдат.

Наконец, западные «демократии» отнюдь не считали аморальным оккупировать нейтральные или даже союзные страны, если видели в этом необходимость. Гитлер предпринял 9 апреля 1940 г. вторжение в Норвегию с целью противодействовать оккупации этой страны Великобританией. Но ведь Норвегия даже косвенно не поддерживала немцев, следовательно, никакого морального и правового обоснования английской интервенции быть не могло. Хотя не буду спорить, что военная целесообразность в этом имелась. В 1944 г. англичане оккупировали Грецию – своего союзника по анти-

гитлеровской коалиции и спровоцировали там гражданскую войну. Какими моральными принципами это можно обосновать?

С конца 80-х годов в СССР ведется мощная пропагандистская работа по дискредитации советско-германского Договора о ненападении, а в более широком смысле – советской внешней политики. Основным аргумент ревизионистов (особенно усердствует в этом секта резуноидов) заключается в том, что Германия была не в состоянии напасть на СССР в 1939 г., а потому не было нужды заключать соглашение с Гитлером. За два года после заключения договора германский военный потенциал вырос многократно, и потому в 1941 г. соотношение сил стало менее выгодно Советскому Союзу, чем в 39-м. Таким образом, критики дезавуируют основной аргумент своих противников о том, что двухлетняя мирная передышка нужна была нашей стране для подготовки к большой войне. Мол, это Гитлер получил передышку на Востоке и воспользовался ею более эффективно, нежели Сталин.

Пропагандисты игнорируют, причем сознательно, то обстоятельство, что военный потенциал измеряется не количеством дивизий, танков и самолетов, а прежде всего способностью страны производить вооружение, быстро мобилизовать и оснащать новые дивизии. В этом смысле к 1941 г. военная мощь СССР увеличилась гораздо более, нежели возрос военный потенциал Германии. Ведь немцы уже в 1939 г.

имели те образцы вооружения, которые использовали вплоть до конца войны. А у нас в августе 1939 г. не было ни Т-34, ни КВ. Современные истребители, способные на равных противостоять Me-109 еще только проектировались, так же как и знаменитый впоследствии штурмовик Ил-2. Легендарная «Катюша» и грабинская 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 существовали тогда лишь на бумаге, на вооружении Красной Армии не было ни единого автомата. Да и промышленность была не готова дать новейшие образцы оружия в необходимых количествах.

За считанные месяцы перед войной на вооружение были приняты десятки новых образцов боевой техники, заводы смогли освоить их массовое производство. В чем, кстати, немцы, скрипя зубами, очень помогли товарищу Сталину. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться со списком тех товаров, которые Германия поставила Советскому Союзу в обмен на зерно, сырую нефть, пеньку и шлак железной руды – например, бомбардировщики люфтваффе в небе над Москвой сбивали зенитки, произведенные на заводах «Шкода». Немцы ввели всеобщую воинскую обязанность в 1935 г., и за четыре года подготовили неплохой мобилизационный резерв для своих вооруженных сил. В СССР же закон о всеобщей воинской обязанности был принят лишь 1 сентября 1939 г., и потому 22 июня 1941 г. врага встретил кадровый состав Красной Армии, а не милиционные дивизии, куда личный состав призывали на военные сборы.

Но все же главное значение советско-германского договора о ненападении лежит не в экономической и военной, а в политической плоскости. В 1939 г. Советский Союз действительно находился в тисках агрессивных государств. Польская пресса открыто писала о великом крестовом походе против России, а польский генштаб разрабатывал соответствующие военные планы. Румыния продолжала оккупировать Бессарабию. Даже прибалтийские карлики – Латвия и Эстония заигрывали с Германией, а немецкие генералы инспектировали границу с СССР. Финны в 30-е годы строили планы создания Великой Финляндии с границами по реке Неве и Беломоро-Балтийскому каналу (оцените-ка их аппетиты!). Финляндию ныне принято изображать этакой мирной демократической овечкой, невинной жертвой сталинской агрессии, при этом как-то не забывается, что само финское правительство объявило в 1941 г. войну СССР, имея на повестке дня план стратегического наступления на Петрозаводск. На востоке в момент подписания советско-германского договора в августе 1939 г. Красная Армия вела боевые действия против японских агрессоров. Казалось бы, локальное столкновение, но на Халхин-Голе мы потеряли за полгода около 10 тысяч солдат. Для сравнения: за десятилетие войны в Афганистане безвозвратные потери Советской Армии составили 14,5 тысяч человек.

Англия и Франция вроде бы не проявляли открытых агрессивных намерений, но именно эти державы последова-

тельно выстраивали в течение полутора десятилетий систему антисоветских союзов и блоков. Политика так называемого умиротворения Германии в конечном итоге преследовала цель толкнуть ее против СССР. На это же была направлена жесткая стратегия внешнеполитической изоляции Советского Союза. Относительно нормальные отношения, да и то лишь внешне, связывали СССР из ближайших соседей только с Чехословакией, но та приказала долго жить в марте 1939 г. Союзник же у нас был на всем земном шаре лишь один – Монголия.

И вот в августе 1939 г. русские одним ударом разрывают удавку, которую Запад годами плел вокруг нашей шеи! Когда современники описывают реакцию Японии на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г., они, словно его-ворившись, используют слово «шок». Английский посол в Токио Крейги телеграфировал в Лондон, что подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом». А вот телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в НКВД СССР: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь».

Уникальный случай в истории дипломатии: заключение договора между двумя странами вызвало отставку правительства в третьей стране, которую данный договор ни-

как не затрагивал. Японский кабинет, возглавляемый Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая свое решение, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создано новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». В результате этой новой ориентации 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан пакт о нейтралитете, о котором в свою очередь английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщала, что это соглашение представляет собой подлинный провал американской дипломатии³.

Сами посудите: Япония воюет с СССР в Монголии, Германия – союзник Японии по «Антикоминтерновскому пакту»⁴, но Риббентроп заключает договор с врагом японцев не

³ см. газету «Правда» за 19 апреля 1941 г.

⁴ «Антикоминтерновский пакт» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».

только не консультируясь со своим восточным партнером, но вообще не ставя в известность Токио о своих намерениях. Самураи вынуждены были в сентябре замирииться с Москвой, объявив халхин-гольское побоище случайным инцидентом, но к Германии они с тех пор питали стойкое недоверие. Поэтому каждая держава вела в 1941–1945 гг. свою отдельную войну – немцы с СССР, японцы с США, и об атаке на Пирл-Харбор Гитлер узнал из газет. Фактический срыв германо-японского военного союза – вот главный стратегический выигрыш, который получил Советский Союз 23 августа 39-го. Нетрудно представить себе, какие катастрофические последствия имел бы одновременный удар Германии и Японии 22 июня 1941 г. по СССР.

То, какие истинные намерения имели по отношению к русским западные «демократии», стало ясно через несколько месяцев. В конце 1939 г. французский и британский генштабы планировали операцию по уничтожению с воздуха нефтепромыслов Баку и отправку на помощь финнам воинского контингента. И это в то время, когда обе страны находились в состоянии войны с Германией! Тут, правда, есть один нюанс: с немцами англо-французы вели «сидячую» войну, а вот с Советским Союзом намеревались воевать по-взрослому. Надо прочувствовать всю глубину отчаяния лондонских и парижских стратегов: они усиленно, и как им казалось, успешно, науськивали Германию «нах остен», а этот чертов Молотов подмахнул Риббентропу одну бумаж-

ку, и все их многолетние комбинации пошли насмарку. На Гитлера англо-французы тоже сильно обозлились, и войну Германии объявили, вероятно, лишь с одной целью – образумить его. Поэтому, совершая налеты на Германию, английские бомбардировщики сбрасывали на немецкие города не бомбы, а листовки. Удар по СССР, который западные союзники планировали осуществить в апреле 1940 г. – это уже не намек, а совершенно открытое послание Гитлеру: друг Адольф, на востоке у нас есть общий враг, давай забудем небольшое недоразумение с Польшей и займемся, наконец, делом.

Но тут своих западных союзников подвели финны. Получив перспективу полного разгрома к середине марта, они спешно запросили у Москвы мира, каковой и получили на вполне приемлемых условиях. Но даже тогда западные союзники не отказались от планов бомбового удара по объектам нефтяной промышленности на Кавказе, но перенесли дату окончания приготовлений на середину мая 1940 г. Советское командование в свою очередь передислоцировало в Закавказье несколько дальнебомбардировочных полков и стало готовить ответный удар по сирийским и иракским авиабазам союзников.

Неизвестно, как бы повернулся ход мировой истории, если бы за несколько дней до предполагаемого начала войны между СССР и англо-французами Гитлер не показал последним, что такое блицкриг. В результате этого показа францу-

зы капитулировали, а англичане поспешно бежали на свои острова. Заключение советско-германского договора о ненападении действительно сыграло значительную роль. Значительную, но совсем не ту, которую приписывают ему анти-советские манипуляторы. 23 августа 1939 г. – это не только день триумфа советской дипломатии, но и момент позорного провала многолетней внешнеполитической стратегии Запада. Поэтому не должно удивлять, что западные пропагандисты маниакально стараются переписать именно эту страницу истории.

Благодаря стараниям некоторых «историков» договор о ненападении представляется как договор о союзе между Германией и СССР. Нет, это было лишь соглашение о нейтралитете в случае войны. Особо наглые баснописцы утверждают, будто Советский Союз после заключения Молотовым и Риббентропом «дьявольской сделки» стал снабжать Гитлера стратегическим сырьем, помогая ему таким образом расправиться с западными демократиями. Снова налицо спекуляция – мы торговали с Германией, а не снабжали ее. Наоборот, воюющая Германия поставляла СССР вооружение, что ослабляло ее собственный военный потенциал.

Даже те «историки», которые пытаются оправдывать Договор от 23 августа, отчего-то испытывают комплекс вины, единогласно объявляя его вынужденным шагом: мол, мы не хотели, но нам пришлось... Успокойтесь, ребята, Советскому Союзу адвокаты не нужны. Вынуждают подписывать до-

говора только слабых, а СССР был сильной мировой державой, и в отличие от нынешней РФ мог позволить себе действовать, исходя из собственных интересов, а не по чьему-то принуждению.

Протокол

Заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении не ущемлял интересы третьих стран. Прибалтийский кризис 1939–1940 гг. был вызван началом войны в Европе, но не имел прямой связи с советско-германским соглашением. Тем не менее именно в Прибалтике в конце 80-х годов разразилась массовая истерия по поводу преступного сговора между двумя диктаторскими режимами, якобы в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости.

Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами перестройщики объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. В дальнейшем на базе этой фальсификации был даже разработан пропагандистский миф о том, что Вторая мировая война, дескать, началась лишь потому, что Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши (особенно отличился на этой ниве беглый предатель Владимир Резун, пишущий под псевдонимом «Суворов»). Немудреная байка, но поляки в нее верят до сих пор.

Почему я называю «секретные протоколы» к советско-германскому пакту фальсификацией? Хотя бы потому, что таковые документы не найдены ни в советских, ни в гер-

манских архивах, а официальное их признание Съездом народных депутатов СССР во время перестроечной вакханалии в 1989 г. было сделано на основании ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, что они существовали, но были уничтожены. В РФ якобы обнаружены в 1992 г. «оригиналы» протоколов, но и их до сих пор никому не удалось увидеть собственными глазами. Что же до изображений оных, которые гуляют в Интернете, то совершенно очевидно, что они слеплены в программе «Photoshop» из книжных иллюстраций (часто даже просвечивают строчки текста на оборотной стороне листа).

Дипломатия – старшая сестра разведки, и секретность – их мать. Общественность видит лишь результаты усилий дипломатов, механизмы же их достижения чаще всего сокрыты завесой тайны. Разумеется, секретные договоренности между странами практикуются, ибо такова есть давняя дипломатическая традиция – щепетильные вопросы межгосударственных отношений решать в конфиденциальном порядке (советская дипломатия оперировала таким понятием, как конфиденциальный протокол). Например, к договорам о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими государствами, заключенными осенью 1939 г. прилагались конфиденциальные протоколы, определяющие порядок ввода и размещения на их территории советских войск. При этом в тексте самих договоров есть ссылка на конфиденциальные протоколы.

Есть и другой тип секретных договоренностей – решения в отношении третьих стран, имеющие крайне узкий круг

лиц, посвященных в тайну. Подобные соглашения обычно оформлялись не в виде официального межгосударственного трактата, а в форме личного договора между правителями. Не припоминаю за всю историю дипломатии ни одного подобного тайного соглашения, которое бы было заключено с соблюдением официального ритуала и формальностей документооборота. Зато есть пример решения вопроса о разделе сфер влияния между СССР и Великобританией в Восточной Европе на встрече Черчилля со Сталиным в Москве 9 октября 1944 г. Вот как об этом вспоминал сам Черчилль:

«Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?»

Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал: «Румыния: Россия – 90 процентов. Другие – 10 процентов

*Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов
Россия – 10 процентов.*

Югославия: 50 на 50 процентов.

Венгрия: 50 на 50 процентов.

Болгария: Россия – 75 процентов. Другие – 25 процентов».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Romania

Russia 90%

The others 10%

Greece G. Pontus
Macedonia & Asia

90%

The other
Russia

10%

Yugo Slavia

50/50%

Hungary

50/50%

Bulgaria

Russia 75%

The others 25%

Записка Черчилля по поводу раздела сфер влияния в Восточной Европе. Достоверность ее не подтверждается ничем, кроме слов самого Черчилля. Однако причин врать он, вроде бы, не имеет.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку».

*«Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин».*⁵

Можно, конечно, усомниться, что дело происходило в точности так, как это описал Черчилль, но примерно таким образом секретные соглашения о разделе сфер влияния и заключаются. Какой смысл официально подписывать тайный договор, если его юридическая сила равна нулю? В случае невыполнения одной стороной тайного соглашения другая сторона не может публично потребовать его исполнения. Страна-нарушитель просто станет отрицать наличие каких-либо тайных обязательств, а страна, предъявившая претензии, окажется в крайне глупом положении. Всякий межгосударственный договор обретает силу лишь после взаимной ратификации. Нужды в оформлении «секретных протоколов» к договору о ненападении не было ни малейшей, тем более что переговоры происходили не на высшем уровне.

Поскольку советско-германские переговоры носили серьезный характер, во время бесед Риббентропа со Сталиным и Молотовым, несомненно, рассматривался очень широкий спектр вопросов, к коим относились и вопросы безопасности границ СССР. Не сомневаюсь, что в беседах было установлено представление об интересах двух держав в Восточной Европе и Балтийском море. Но рассуждать об этом можно только гипотетически.

⁵ Уинстон Черчилль, «Вторая мировая война»// http://www.knigivinternet.ru/kniga/MEMOR/WORLD_II/90.html.

Те «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев, разоблачая «преступления Сталина», представляют собой откровенную фальшивку. Он пытался убедить депутатов в их подлинности уверениями, что он, якобы держал в руках копии с фотокопии «секретных протоколов», неизвестно кем и неизвестно когда сделанные, и переданные ему властями ФРГ, которые в свою очередь получили их от американцев. При каких обстоятельствах янки их приобрели, вообще установить не представляется возможным.

Опубликованы тексты «оригиналов» протоколов были впервые в журналах «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) и «Новая и новейшая история» (№ 1, 1993 г.). После публикации «оригиналы», якобы найденные в 1992 г., куда-то таинственно исчезли и сотрудники Архива президента РФ ничего вразумительного об их местонахождении сказать не могут. Валентин Антонович Сидак, генерал КГБ, расследующий историю с сомнительными протоколами в течение многих лет, утверждает следующее:

*«Когда МИДу России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали... ну, правильно» все к тому же журналу «Новая и новейшая история».*⁶

Давайте ознакомимся с «каноническим» текстом «секрет-

⁶ <http://www.rusk.ru/st.php?idar=11702>.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ДОГОВОРУ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического

развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Текст воспроизводится по фотокопии, опубликованной в выпущенном в США сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939–1941» (Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Washington, 1948), где были представлены тексты протоколов, якобы захваченные союзниками в 1945 г. Поскольку протокол фальшивый, то честь первой публикации принадлежит американцам, как бы это в дальнейшем не пытались

затушевать этот факт «историками». К тому же, например, «официальная» публикация в журнале «Новая и новейшая история» (1993 г., № 1) менее достоверна, нежели американская версия: Риббентроп назван здесь «И. ФОН РИББЕНТРОП», хотя в советских дипломатических документах титулатура никогда не использовалась.

На русском языке американский сборник выпущен в США в 1983 г. литовским эмигрантским издательством «Moksvo» под названием «СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г.» (в качестве переводчика выступил известный беглый антисоветчик, «историк» Фельштинский). В 1989 г. в Вильнюсе в издательстве «Mokslas» 100-тысячным тиражом выпущена книжка «Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», являющаяся выжимкой из упомянутого выше источника. В данном издании присутствует предисловие на русском и литовском языке, подписанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В. Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А. Эйдintasом. Наконец, в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла та же самая книга в переводе Фельштинского под названием «Оглашению подлежит: СССР-Германия. 1939–1941. Документы и материалы».

В печатных изданиях тексты «секретных протоколов» за-

частую приводятся в переводе с английского, в связи с чем в нем много неточностей. Например, вместо слова «договор» в преамбуле «секретного протокола» используется слово «пакт». Вероятно, в этих случаях использовался текст Фельштинского, а тот выполнил перевод с английского текста американского сборника, где действительно значится Non-aggression Pact. Уму непостижимо, на кой черт Фельштинскому потребовалось делать обратный перевод с английского, если в его распоряжении якобы была фотокопия русского «оригинала».

В Интернет можно найти массу изображений, выдаваемых то за американскую фотокопию протокола с немецкого микрофильма, то за советский «оригинал» с солидной ссылкой: «Leihgeber: Politisches Archiv des Auswartigen Amtes, Berlin» или «Архив Президента РФ, Особая папка, пакет № 34»⁷. Но на самом деле во всех случаях представлены лишь репродукции из выпущенной госдепартаментом США в 1948 г. книги ⁸. На приведенном рисунке отлично видны номера страниц (196, 197), а так же то, что на оборотной стороне отпечатан какой-то текст, чего на оригинале быть не могло, а уж на фотокопии и тем паче.

⁷ См., например, открытую электронную энциклопедию «Википедия»

⁸ См. <http://www.dhm.de/lemo/objekte/pict/stalina2/index.html>.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании договора о ненападении между Германией и Советом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обобщих интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеописующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия; Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интерес Литвы по отношению Виленской области признается обоими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарва, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обобщих интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обобщих согласия.

рактер ошибок.

Скажем, в официальных юридических документах во избежание разночтений географические названия не склоняются, иногда и фамилии тоже. То есть фраза «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана» должна была быть записана так: «... по линии рек Нарев, Висла и Сан».

Geheimes Zusatzprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile im streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessensphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgenden Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den zu den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) gehörenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessensphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Memeler Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung der zum polnischen Staate gehörenden Gebiete werden die Interessensphären Deutschlands und der UdSSR ungeführt durch die Linie der Flüsse Narew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen und wie dieser Staat abzugrenzen wäre, kann endgültig erst im Laufe der weiteren politischen

Entwicklung geklärt werden.

In jedem Falle werden bei Regierungen diese Punkte in Wege einer freundschaftlichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Ostostens Europas wird von sowjetischer Seite das Interesse an Konzentration betont. Von deutscher Seite wird das völlige politische Desinteresse an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.

Moskau, den 22. August 1939.

Für die
Deutsche Reichsregierung

W. Ribbentrop

Für die
Regierung
UdSSR:

W. Molotow

Единственное отличие «секретных протоколов» в госдеповском сборнике от микрофильмов фон Леша – отсутствие нумерации кадров. Данное изображение взято с официального сайта Германского исторического музея (<http://www.dhm.de>). Поразительная наглость: под видом архивного документа публикуется скан книжного разворота! Даже нумерацию страниц стереть поленились.

Кстати, история с реками имела свое продолжение. Оказалось, что Молотов и Риббентроп, перекраивая политическую карту Европы, отчего-то как раз карты под рукой не имели. В результате раздел сфер интересов был проведен по реке Нарев, которая имеет исток в Белостокском воеводстве, не касаясь своим течением границ Польши. Для устранения недоразумения якобы был составлен следующий документ.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Са-

на».

Москва, 28 августа 1939 года

*По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп*

Текст воспроизводится по изданию МИД СССР «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в двух томах», вышедшему в 1990 г. Издатели, чтоб никто не подумал, что они высосали этот текст из пальца, ссылаются на источник: «Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3».

Но стоит только посмотреть на текст, как сразу видно, что его слепили идиоты. Риббентроп не мог подписать это разъяснение 28 августа 1939 г., потому что он улетел в Берлин 24 августа, а следующий визит в Москву совершил только 27 сентября. Потом фальсификаторы спохватились, и в журнале «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) разъяснение за правительство Германии подписал уже посол Шуленбург. Чтоб общественность не волновалось, даже картинку с автографами сделали.

Коль уж решили уточнить границу, так следует уточнять ее на всем протяжении. В первоначальном варианте упущено, что Нарев впадает в реку Буг, а уж тот соединяется с Вислой чуть севернее Варшавы. Вроде бы мелочь, подумаешь, в границе образовалась брешь километров в 40. Но когда сходятся друг с другом миллионные армии, желатель-

но провести разграничительную линию так, чтобы исключить даже гипотетическую возможность эксцессов, потому что если буквально руководствоваться «разъяснением к секретному протоколу», то германская армия вполне может получить плацдарм на правом берегу Вислы. В оправдание такой небрежности можно сказать то, что на польских картах значилось, что Буг впадает в Нарев, а не наоборот. Однако на советских картах таких казусов никогда не наблюдалось. В старые времена было обыкновение небольшой участок течения от слияния двух рек до впадения в Вислу именовать Буго-Нарев. То есть необходимость устранения кривотолков имела в любом случае. Вывод: фальсификаторы пользовались не русскими картами, иначе текст «секретного протокола» и разъяснение к нему обладали бы большей точностью. Но почему в Кремле, где якобы и подписывались все «секретные протоколы» не было русских карт?

Übung miteinander bleiben, so sich gegenseitig über Fragen zu informieren, die ihre gemeinsamen Interessen betreffen.

Artikel IV.

Kolner der beiden Vertragsgeschlossenen Teile wird sich an irgend einer Maßnahmgewinnung beteiligen, die sich miteinander oder unmittelbar gegen den anderen Teil richtet.

Artikel V.

Alle Streitigkeiten oder Konflikte zwischen den Vertragsgeschlossenen Teilen oder zwischen einer dieser Art entstehen sollten; werden beide Teile diese Streitigkeiten im Falle Konflikte ausschließlich auf dem Wege friedlicher Verhandlungen auszuwickeln oder abzufinden durch Einsetzung von Beilichtbevollmächtigten beizulegen.

Artikel VI.

Der gegenwärtige Vertrag wird auf die Dauer von 20 Jahren abgeschlossen mit der Bedingung, dass, wenn nicht einer der Vertragsgeschlossenen Teile ihn ein Jahr vor Ablauf dieser Frist kündigt, die Dauer der Wirksamkeit dieses Vertrages automatisch für weitere fünf Jahre als verlängert gilt.

Artikel VII.

Der gegenwärtige Vertrag soll innerhalb achtzigstägiger Frist ratifiziert werden, die Ratifikationsurkunden sollen in Berlin ausgetauscht werden. Der Vertrag tritt in Kraft mit seiner Unterzeichnung in Kraft.

Ausgefertigt in Doppelurkunde, in deutscher und russischer Sprache, wobei von dem August 1919.

*In die
russische Reichsregierung
V. M. Molotov*
*Als Bevollmächtigter
des V. S. S. R.
L. B. Brezhnev*

DEUTSCHER VERTRAG ZWISCHEN DEUTSCHLAND UND
DIE UDSSR ÜBER SOZIALISTISCHEM VERZEHRVEREINBARUNG.

Die Deutsche Reichsregierung und
die Regierung der Union der Sozialistischen
Sozialrepublikan

erklärt von dem Wunsche die Suche des Friedens
zwischen Deutschland und der UDSSR zu festigen und
ausgehend von den grundlegenden Bestimmungen des Vertrag
von Versailles, der in April 1918 zwischen Deutschland
und der UDSSR geschlossen wurde, sind ein mehrseitiger
Vertrag eingeleitet

Artikel I.

Die beiden Vertragsgeschlossenen Teile verpflichten sich, sich jeden Gewaltakte, jeder aggressiven Handlung und jedes Angriffs gegeneinander, und zwar sowohl einzeln als auch gemeinsam mit anderen Mächten, zu enthalten.

Artikel II.

Während einer der Vertragsgeschlossenen Teile Gegenstand kriegerischer Handlungen eines dritten Macht werden sollte, wird der andere Vertragsgeschlossene Teil in keiner Form diese Kräfte nicht unterstützen.

Artikel III.

Die Mitglieder der beiden Vertragsgeschlossenen Teile werden künftighin fortwährend wechselseitig in

F110048

F110019 1919

F110050

Немецкий текст договора о ненападении по якобы захваченному союзниками микрофильму (коллекция фон Леша). Сомнительно, что третья страница договора не содержит ничего кроме подписей, не видна нумерация страниц. Многостраничные документы всегда сшивались нитью, которая скреплялась сургучными печатями, чего здесь не видно. Разве так оформляются межгосударственные соглашения? В этом случае можно третью страницу подшить к любому тексту и утверждать, что его подписали Молотов и Риббентроп.

Наконец, мы читаем здесь: «...граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана». Название реки Нарев написано с ошибкой, вызванной неправильным склонением

нием. Такую ошибку вполне мог допустить человек, говорящий на английском языке, где, как известно, географические названия не склоняются. В пользу того, что исходный текст «секретного протокола» делал явно англоговорящий человек, косвенно свидетельствуют и такие лингвистические особенности:

– написано «Польского Государства» вместо «польского государства»;

– «Прибалтийских государств» вместо «прибалтийских государств».

В русском языке прилагательное «прибалтийский» однозначно пишется со строчной буквы, в то время как имя собственное «Прибалтика» всегда с заглавной. По-английски же вполне допустимо писать Polish State и Baltic States, однако в указанном американском издании в тексте «секретного протокола» встречается только второе словосочетание, а «Польское государство» пишется как Polish state, хотя в других документах в том же сборнике встречается и написание Polish State. В советском двухтомнике «Год кризиса 1938–1939» в приведенном тексте «секретного протокола» (со ссылкой на сохранившуюся машинописную копию: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2.) в обоих случаях написано «Польского государства», что не соответствует русскому варианту американской фотокопии из сборника 1948 г.

Американское издание выполнено очень халтурно. Одно и то же слово «договор» там переводится тремя различны-

ми способами: agreement, treaty, pact. А уж чтобы перевести слово «Германия», как German Reich, надо обладать большим пренебрежением к источнику, пусть даже и фальшивому. Любопытно, что в немецком тексте «секретного протокола» «Польское государство» пишется как polnischen Staate, а «Прибалтийских государств» как baltischen Staaten, в то время как «Виленская область» обозначена Wilnaer Gebiet – оба слова с заглавной буквы, что не может не вызвать недоумения.

Снова фальсификаторы прокальваются с географией: Финляндия – это скандинавская страна, а Прибалтикой называют лишь территории бывших Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи. Впрочем, для янки это мелочи – к Прибалтике они приписали еще и страну тысячи озер. Следуя их логике Германию и Данию тоже можно назвать Прибалтикой, так как их берега омываются водами Балтийского моря.

Большое сомнение вызывает и стилистика протокола. В договорах о разграничении интересов стороны заинтересованы добиваться ясности смысла и четкости формулировок. А что означает выражение «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства»? Уж коли протокол секретный, то почему бы не писать откровенно: мол, в случае войны Вермахт занимает такие-то области, а РККА – такие-то? И что значит словосочетание «в течение дальнейшего политиче-

ского развития» в отношении Польши, которую уже поделили? Советской дипломатии были совершенно несвойственны подобные туманные витиеватости.

Я не в силах поверить, что подобное мог написать человек, хорошо владеющий русским языком, тем более дипломат, и, тем паче, глава правительства СССР Вячеслав Молотов. Литератор Феликс Чуев, хорошо знавший Вячеслава Михайловича, характеризовал его так: «...ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе»⁹.

Факт, просто вопиющий о подложности документа – параграф о признании обеими сторонами притязаний Литвы в отношении Виленской области. Во-первых, Литва не была субъектом переговоров, а потому этот пункт здесь выглядит просто абсурдно. Во-вторых, если по смыслу п. 2 протокола Виленская область входит в сферу интересов Советского Союза, то признание или непризнание литовских претензий – это предмет двусторонних литовско-советских отношений (только в случае ликвидации Польши, конечно). При этом возникает принципиальное противоречие с п.1 протокола, по которому Литва отнесена к германской сфере интересов. Но самое главное, Литва в 1938 г. официально отказалась от притязаний на Виленскую область, и потому ни Германия,

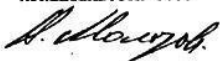
⁹ Феликс Чуев, «140 бесед с Молотовым».

ни СССР не могли признавать уже несуществующие интересы Литвы в данном вопросе. Наконец, если уж Виленская область переходит опосредованно в сферу интересов Германии, то надо четко обозначить ее границы. Появился пункт о Виленской области в протоколе видимо лишь потому, что фальсификаторы старались подогнуть его под реальные события. Но сделали они это крайне неуклюже (подробности см. в главе «Вильно»).

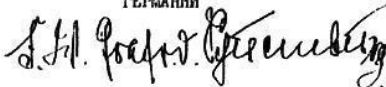
Сам по себе этот документ алогичен и противоречив. Если речь идет о разграничении взаимных интересов, то это разграничение должно обсуждаться лишь если сферы интересов двух держав соприкасаются. В случае с Польшей все более-менее понятно, поскольку на польской территории на западе проживало более миллиона немцев, защищать права и интересы которых Германия считала своим долгом, а на востоке на отторгнутых Польшей от России в 1920 г. землях жило более 10 миллионов украинцев и белорусов. Но в отношении Литовской республики возникают некоторые вопросы. С какой стати Литва отнесена в сферу интересов Германии? С Литвой из всех балтийских стран у СССР были наиболее дружественные отношения (точнее, они были не настолько плохими, как со всеми прочими). В 1938 г. именно решительная позиция Советского Союза позволила избежать агрессии Польши против Литвы, к чему все дело и шло.

Москва, 28-го августа 1939 года.

ПО УПОЛНОМОЧЬЮ
ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР

За ПРАВИТЕЛЬСТВО
ГЕРМАНИИ

«Историки» категорически не желают показывать обнаруженные «оригиналы» протоколов целиком. Журнал «Вопросы истории» ограничился публикацией таких вот отрывков. Впрочем, даже этого достаточно, чтобы убедиться в подложности документа (см. главу «Оригиналы»).

Никаких значимых экономических или политических интересов у Германии в Литве после возвращения Мемеля не было. С Литвой у Германии не существовало договора о гарантиях в случае советской агрессии, а с Латвией и Эстонией соответствующие соглашения были подписаны. Эстония и Латвия – это территории бывшего Ливонского ордена, основанного в средневековье германскими крестоносцами. Немцы цивилизовали этот край, и многие века составляли в Эстляндии и Курляндии культурный и господствующий слой. Вплоть до 1940 г. там сохранялось значительное немецкое меньшинство. Литва в этом смысле стояла особня-

ком, культурно тяготея не к Германии, а к Польше.

Видимо Литву авторы «секретных протоколов» временно отдали Германии, подгоняя протокол от 23 августа под известные события. В сентябре 1939 г. Германия пыталась прибрать Литву к рукам: 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии и готовности вторгнуться в Литву. Чуть раньше – 20 сентября в Берлине был разработан проект документа под названием «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», статья I которого гласила: *«Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха»*¹⁰.

В случае с Финляндией никак не разрешен вопрос именно о разграничении сфер влияния – является ли финско-норвежский и финско-шведский рубежи границей советской сферы интересов, или они распространяются на всю Скандинавию? О характере германских интересов в Скандинавии нет ни слова, хотя эти интересы присутствовали, и в первую очередь, в Швеции, откуда немцы получали стратегически важное сырье для своей промышленности (из Финляндии тоже, но в меньшем количестве).

То же самое и в случае с Румынией. Она в 1918 г. оккупировала Бессарабию (Восточная Молдавия), и СССР никогда не признавал этого захвата. Москва не отказывалась от мысли вернуть утраченную территорию, и спрашивать бла-

¹⁰ Цит. по: Игорь Пыхалов, «За что Сталин выселял народы».

гословления Берлина на это не собиралась. Но о предмете немецких интересов в Румынии в документе ничего не говорится, не смотря на то, что еще 23 марта 1939 г. было подписано германо-румынское экономическое соглашение, создающее предпосылки для полной переориентации на Германию всей румынской экономики.

В первую очередь это касалось поставок нефтепродуктов и продовольствия, что в случае войны приобретало стратегическое значение для Берлина. Так почему бы не оговорить этот вопрос в секретном протоколе? Ведь дав добро на пересмотр советско-румынской границы, Риббентроп не мог исключать, что территориальный спор между двумя странами приведет к войне. Вот на этот случай и нужно было договориться, что, например, территория к юго-западу от линии рек Дунай-Прут не относится к советской сфере интересов. Логично? Необходимость четкого разграничения взаимных интересов в Румынии тем более актуальна, что Бессарабия является лишь частью Молдавии – исторической румынской области. А ну как Советский Союз решит прибрать к рукам и Запрутскую Молдавию?

Бессарабский вопрос, кстати, дает нам хорошую возможность увидеть, что Германия и СССР уже летом 1940 г. «забыли» о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. Между Москвой и Берлином велась активная переписка, касающаяся территориального переустройства Бессарабии и Северной Буковины и вытекающих из этого про-

блем (например, вопрос переселения в Германию 120 тысяч бессарабских немцев – фольксдойче). Но ни в одном из этих документов нет ссылок на августовские «секретные протоколы» даже в завуалированной форме. Например, не встречаются фразы «на основании достигнутых ранее в Москве соглашений...» или «в соответствии с известными московскими договоренностями...».

Более того, по румынскому вопросу как раз возникли серьезные трения. Гитлера так перепугало приближение советских границ в июне 1940 г. на 120 км к нефтяным месторождениям Плоешти (20 минут лета для бомбардировщика), что Германия принялась настойчиво добиваться своего военного присутствия в регионе для обеспечения безопасности стратегического топливного источника. Советское правительство энергично этому противилось. Бессарабский кризис стал для Берлина неприятной неожиданностью. Следовательно, «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев в 1989 г. – фальшивка.

Вызывает удивление, что в протоколе никак не отражены советские интересы в юго-восточном регионе Европы. В частности, ни слова не говорится о Болгарии, с которой СССР стремился в тот момент наладить дружественные отношения, дабы разместить на болгарском побережье Черного моря свою военно-морскую базу. Она имела очень большое значение, поскольку ее наличие могло предотвратить проникновение в Черное море вражеского флота через ту-

рецкие проливы. Учитывая то, что Болгария фактически находилась в полной политической и экономической зависимости от Германии, а германское влияние на Турцию было весьма велико, логично ожидать, что важный для СССР вопрос черноморских проливов найдет свое отражение в «секретном протоколе». Однако он совершенно игнорируется.

Из текста документа следует, что советская сторона не только была извещена о предстоящем нападении немцев на Польшу, но даже получила авансом половину территории страны. То есть на основании п. 2 фальшивых «секретных протоколов» визгливая демократическая общественность объявила Советский Союз агрессором и сообщником зачинщика Второй мировой войны. Однако ход дальнейших событий опровергает эту логику.

Во-первых, сразу после начала германской интервенции СССР не атаковал Польшу и даже не стал искать повода для вторжения. Советский Союз демонстративно отвел войска от границы еще до начала конфликта. Это вызвало очень негативную реакцию в Берлине, и Риббентроп 29 августа потребовал от Молотова объяснений через германского посла в Москве Шуленбурга и настойчиво попросил выступить с заявлением о том, что СССР наоборот наращивает свои силы на границе, объясняя это беспокойной обстановкой. Смысл просьбы понятен, ибо традиционно более мощные группировки польских войск были сконцентрированы на востоке против СССР, и Германия не желала, чтобы поляки получи-

ли свободу маневра своими силами. Однако официального советского заявления так и не последовало.

Во-вторых, Советский Союз заключил с Польшей торговые договора на поставку стратегических материалов, в частности хлопка, используемого в производстве пороха. Наконец, Красная Армия перешла границу лишь после того, как польское государство де факто прекратило существование в результате бегства правительства, а польская армия была в стратегическом отношении полностью разгромлена¹¹. Немецкие войска продвинулись не только за пределы своей пресловутой сферы интересов, но даже заняли часть территории восточнее будущей советско-германской границы. Частям РККА была дана директива продвигаться до соприкосновения с германскими частями, а вовсе не до рубежа, отмеченного как граница сферы интересов СССР. И будущая граница прошла не по Висле, как то предполагалось «секретным протоколом».

Допустим, что «дополнительный секретный протокол» действительно был подписан. Возникает вопрос: почему же Германия не соблюдала условия этого соглашения? Ведь в документе четко сказано, что Финляндия отнесена к сфере интересов СССР, однако там появились в октябре 1940 г. немецкие войска. Это является не просто грубейшим нару-

¹¹ Германское командование 5 сентября пришло к заключению о разгроме армии Польши. Со второй недели кампании войска с польского фронта стали перебрасываться на Запад.

шением соглашения – это военное вторжение в зону интересов другой державы, то есть акт агрессии Германии против СССР. Почему Советский Союз не пресек подобное нарушение договоренностей со стороны Гитлера? И чего добивался Гитлер подобной провокацией – войны?

Но и Советский Союз грубо нарушил условия гипотетического «секретного протокола» уже через 28 дней после его подписания. Самый крупный польский город, занятый Красной Армией в ходе военных действий – Вильно, но Вильно, как известно, по условиям «секретного протокола» признавался за Литвой, а последняя была отнесена к сфере интересов Германии! Военной необходимости в захвате этой территории у СССР не было никакой, а вот вызвать конфликт с «партнером» такая акция вполне могла – в те дни нервы у всех были на пределе.

Гальдер

Складывается впечатление, что две державы, на практике осуществляющие «территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав Польского Государства», совсем не помнили, о чем договаривались три недели назад! Франц Гальдер, сожалея о необходимости отдать Львов (Лемберг) СССР даже в сердцах называет это «днем позора политического руководства». Генерал-полковник Гальдер, вообще-то был начальником штаба сухопутных войск. С политическим руководством находился в самом тесном контакте (включая Гитлера, чьи высказывания он обильно цитирует в своих рабочих записях), и не мог не знать о секретных договоренностях по разделу территории Польши, если бы они имели место еще в августе. Но он не знал. В «Военном дневнике» Гальдера¹² за 17 сентября 1939 г. есть такая запись: *«В первой половине дня – обмен мнениями с ОКБ относительно будущей демаркационной линии»*. До этого момента вопрос разграничения «сфер интересов» с СССР командование Вермахта не волновал. Еще 7 сентября Гальдер писал:

«Главком у фюрера (во второй половине дня 7.9): Три воз-

¹² См. <http://militera.lib.ru/db/0/chm/halder.zip>.

возможных варианта развития обстановки.

1. Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области [Западной] Украины – самостоятельны.

2. Русские выступают.

3. Если западные союзники начнут наступление, демаркационная линия та же. Политически мы не заинтересованы в продвижении к Румынии».

Здесь важно отметить, что ликвидация Польши не входила в планы Германии, поскольку с Варшавой немцы собирались договариваться о самостоятельности Западной Украины (которая якобы входила в сферу советских интересов по «секретному протоколу»). Гитлер о сохранении Польши неоднократно говорил уже в ходе начавшегося военного конфликта. Более того, после 3 сентября для него было жизненно важно сохранить Польшу и подписать с ее правительством мирный договор. Ведь Англия и Франция во исполнение своих союзнических обязательств объявили Германии войну.

Но если законное польское правительство подпишет с немцами мир (предварительные условия Гальдером изложены), тогда и западные державы будут обязаны замирились с

Берлином. Война за польские интересы в случае, если сама Варшава не желает защищать их, утрачивает смысл. Вовлечение в конфликт советской стороны автор дневника оценивает лишь как вероятное (в этом случае вопрос о независимой Западной Украине отпадает сам собой). Любопытно упоминание о демаркационной линии: из контекста записи следует, что речь идет о демаркационной линии между германскими и польскими войсками после заключения ожидаемого перемирия, причем именно по реке Нарев – там, где по более поздней легенде якобы еще в августе была согласована линия разграничения сфер интересов Германии и СССР. За 22 августа находим у Гальдера такую запись:

«Уничтожение [армии] Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями».

Следует ожидать, что заключение договоренностей с Москвой по территориальному разделу Польши повлечет за собой и уточнение задач для армии, то есть о выходе на определенные рубежи, переступить которые не следует. Гальдер был в курсе советско-германских консультаций по заключению договора еще до визита Риббентропа в Москву. Подробная запись относительно условий будущего соглашения датирована 14 августа:

«Взаимоотношения с Россией: слабый контакт, начаты торговые переговоры. Будет выяснено, пошлем ли мы в Москву своего представителя. В стадии выяснения вопрос, кого послать – авторитетную личность или нет. [Россия] не думает о своих обязательствах по отношению к Западу. Русские допускают разгром Польши, но интересуются, как будет обстоять дело с [Западной] Украиной. Обещание соблюдать русские интересы...

Генерал Гейнц Гудериан (в центре) и комбриг Семен Кривошеин (справа) наблюдают за торжественным маршем

войск Вермахта при передаче Брест-Литовска 22 сентября 1939 советской администрации. В антисоветской литературе этот марш называют совместным парадом Вермахта и РККА, хотя на самом деле бойцы Красной Армии на мероприятии присутствовали лишь в качестве зрителей.

Начало мифу о совместном параде было положено немецкими кинодокументалистами, смонтировавшими кинохронику таким образом, что у зрителя создавалось впечатление, будто советские войска участвовали в параде. Однако эти вклейки сделаны достаточно грубо и распознаются при внимательном просмотре.

... Русские хотят углубить переговоры. Недоверие. Никакой общей границы. Фюрер склоняется к тому; чтобы пойти навстречу русским».

Да, общая граница с СССР в планы Германии тогда не входила. В дальнейшем договор с СССР упоминается неоднократно, как до, так и после его подписания, но почти исключительно в политическом контексте. Никаких уточнений в план военной кампании против Польши внесено не было. Если «секретные протоколы» и были подписаны в Москве, придется признать, что они являлись секретом и для всего высшего военного руководства Германии. Представить то, что Гитлер скрывал от своих генералов свой большой дипломатический успех, невозможно.

Лишь 20 сентября, судя по содержанию дневника Гальдера, русский вопрос становится для него ключевым. Вот первые записи за этот день:

«20 сентября 1939 года (среда)

Трения с Россией: Львов.

Разговор с генерал-полковником Браухичем.

Йодль: Действовать совместно с русскими. Немедленное совместное урегулирование разногласий на месте. Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию.

Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства. Окончательное начертание демаркационной линии. Сомнительные вопросы оставлены открытыми. Не должно произойти никакого обострения политической обстановки. «Окончательная линия по реке Сан».

Браухичу [сообщить]: Дистанция – 10 км. Русские вперед не продвигаются (Кейтель!). Отходить постепенно. Ярослав, Перемышль, далее на юг – Турка. За четыре перехода.

Форман [докладывает]: Для удовлетворения настоячивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала – неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой

линии не погиб ни один наш солдат.

Вейцеккер [запрос по телефону]: Какова же теперь окончательная линия?

Немецкий издатель дневников Гальдера в этом месте делает следующее примечание: *«Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцеккер ответил Гальдеру, что окончательное урегулирование вопроса о демаркационной линии будет осуществляться не министерством иностранных дел, а верховным главнокомандованием».* Этот момент весьма существенный. Если бы раздел польской территории являлся следствием тайного политического соглашения, достигнутого в Москве 23 августа 1939 г., то и урегулировать его следовало по линии МИД. Но вопрос с обеих сторон решали военные, о чем свидетельствует, в частности, упоминание Гальдером настойчивых требований Ворошилова. Это указывает на то, что относительно Польши между Москвой и Берлином до начала войны никаких четких договоренностей не существовало, а территориальные притязания Советского Союза стали следствием войны, и только поэтому с обеих сторон проблему на первом этапе решали генералы. Дипломаты подключились лишь в конце сентября. Вот другие записи Гальдера, датированные тем же днем, 20 сентября:

«Вечером 3 октября немецкие войска должны перейти

окончательную демаркационную линию. Политические переговоры относительно точного начертания этой линии еще продолжаются.

Большое значение придается непосредственной передаче нашими войсками всех важных объектов русским войскам (аэродромы, крупные города, вокзалы, важные в экономическом отношении объекты, с тем чтобы не допустить их разрушения). Переговоры вести через офицеров связи, которые будут устанавливать детали передачи объектов в каждом конкретном случае в зависимости от их величины и значения. Точный порядок будет выработан»...

... После доклада главкома фюрер согласился со следующим порядком: чисто военные причины вынуждают нас провести эвакуацию немецких войск за демаркационную линию в восемь этапов. Необходимое время – 14 дней, так как следует закончить или прервать еще продолжающиеся местами бои.

Русские могут вступить на теперешние передовые позиции немецких войск (черная линия), включая населенные пункты Белосток, Брест, Холм, 10 км западнее Львова, Дрогобыч, Борислав, к середине дня 22 сентября. Продвижение с этой линии на запад только в 6.00 25.9 скачками, от рубежа к рубежу. Рубежи будут сообщены к этому времени с указанием их на картах.

Эвакуация всех войск за демаркационную линию будет закончена 4.10. Между немецкими и русскими войсками посто-

янно должен быть промежуток в половину дневного перехода».

Далее в дневнике начальника штаба ОКВ приводятся многочисленные подробности о графике отвода немецких войск с передаваемой СССР территории и установлении демаркационной линии (в частности подчеркивается, что уступки в Галиции делаются Германией в обмен на Сувалки). Никаких намеков на то, что ранее существовали иные договоренности. В целом же «отход перед лицом Советов» высшим военным руководством Германии был воспринят негативно, как то следует из записей Гальдера.

Касаясь польской кампании, стоит затронуть еще один миф о якобы вероломном ударе Сталина в спину героически сражающейся Польше. Польская пропаганда на все лады перепевает старую песню о том, что если бы Советский Союз не вторгся в Польшу, то ляхи бы смогли продержаться до того момента, пока англо-французы ударят на западе и разгромят Германию. Между тем по состоянию на 17 сентября 1939 г., когда Красная Армия перешла западную границу СССР, Польша, как государство уже не существовало. Вся собственно польская территория страны кроме враждебных Польше восточных окраин, была оккупирована Германией, потеряны все промышленные районы. Бывшая столица, была полностью блокирована Вермахтом, который не стал штурмовать Варшаву лишь во избежание бессмыслен-

ных потерь. Польская армия расчленена, деморализована и разгромлена.

Но даже когда она еще сохраняла относительную боеспособность, поляки не смогли нанести Вермахту, не то что чувствительного удара, но даже завязать сколь-нибудь эффективные оборонительные бои. Пассивное сопротивление поляки оказывали только в районе Модлина и Варшавы. Лодзинская группировка к тому времени уже капитулировала. Польские ВВС прекратили свое существование на четвертый день боевых действий, ВМФ еще раньше. Бронетанковые силы поляков были совершенно к тому времени истреблены. Верховное командование бросило армию, правительство сбежало из страны. Англо-французские «союзники» 12 сентября официально пришли к заключению о разгроме Польши и бессмысленности оказания ей помощи, хотя они поняли это еще 8 сентября.

О каком сопротивлении агрессору можно говорить? Даже антисоветски настроенные европейские державы не нашли возможности обвинить СССР в нарушении принципов международного права в связи с освободительным походом Красной Армии, как эта военная кампания называлась в нашей стране. Нынешние пропагандисты, особенно польские, из кожи вон лезут, чтобы убедить нас, будто Советский Союз способствовал германскому вторжению в Польшу. Из одной агитки в другую кочует эпизод, в котором рассказывается, как советская сторона на базе минской вещательной радио-

станции организовала радиомаяк для люфтваффе, бомбивших Варшаву.

1 сентября в 11 часов в народный комиссариат иностранных дел явился советник германского посольства в Москве Хильгер и передал просьбу начальника генштаба германских ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово «Минск». Удивительно, но о том, что Германия ведет войну против Польши, Хильгер проинформировал НКВД только в 13 часов. В сборнике документов «Год кризиса. 1938–1939», выпущенным МИД СССР в 1990 г., в сноске к опубликованной докладной записке сотрудника Народного комиссариата иностранных дел СССР В. Н. Павлова наркомому Молотову сообщается: *«Из резолюции В. М. Молотова на документе следует, что было дано согласие передавать только слово «Минск». АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 7, д. 74, л. 26».*

Как видим, дело обстояло с точностью наоборот. Советская сторона отказалась удовлетворить просьбу немцев о передаче в эфир ночью специального сигнала. Днем же в минском радиомаяке особой потребности нет. Фактически начальник генштаба германских ВВС своим обращением ничего не добился. Как утверждают мифотворцы, Сталин и Гитлер затеяли совместную агрессию против Польши, однако

вопросы аэронавигации отчего-то заранее не решили. Нет уж, совместные агрессии так не осуществляются.

Когда же в 1992 г. МИД РФ выпустил XXII-й том сборника «Документы внешней политики СССР», в примечании к документу содержится такая резолюция Молотова: «1) +2 часа [далее 2 слова неразборчиво], 2) «Минск» (но не другое)». Странно, что двумя годами ранее в том же самом документе никто нечитаемых слов не увидел, так же как и слов «+2 часа». Никакой нужды публиковать нечитаемые резолюции нет, достаточно было сообщить удовлетворена просьба немцев или нет. Но публикаторы идут по другому пути: якобы не могут разобрать резолюцию Молотова, и при этом публикуют ее в таком виде, что можно сделать выводы о том, что нарком пошел на встречу пожеланиям Люфтваффе.

Никак нельзя предположить, что разгром Польши был совместной акцией Германии и СССР. Вот очень характерная запись Гальдера:

«12 сентября. Разговор главкома с фюрером:

Русские, очевидно, не хотят выступить. [Они] хотят взять себе Украину (чтобы удержатъ французов от вмешательства). [Русские] считают, что поляки будут согласны заключить мир...

...[Гитлер] готов удовлетвориться восточной частью Верхней Силезии и Польским коридором, если Запад не будет мешать».

Подобного рода свидетельства очень уж не вписываются в официальную версию событий, поэтому редактор русского издания «Военного дневника» дает здесь такое примечание: *«Как свидетельствуют документы, гитлеровцы намеревались полностью ликвидировать Польшу и польский народ, частично истребив его, а частично онемечив. См.: Pospieszalski, K. Hitlerowskie «prawo» okupacyjne w Polsce. Poznan, 1952 – 1958»*. Да уж, ссылка на польское пропагандистское издание выглядит неубедительно, да и к Гальдеру отношения явно не имеет.

Сейчас трудно установить, что конкретно имел в виду начальник генштаба германских сухопутных сил, когда писал о намерении русских удержать французов от вмешательства. Не стоит забывать, что начиная с 3 сентября, немецкие генералы находились в постоянном страхе, ожидая удара англо-французов по Руру. Потому на любые события Гальдер неизбежно должен был смотреть сквозь призму вопроса: *«А как это повлияет на Францию и Британию?»*.

Эти записи Гальдер делал для себя лично, а не для посторонних, в них отражен его субъективный взгляд на происходящие события, чем этот источник и ценен. Дневник Гальдера в 1945 г. был захвачен американцами и ими же впервые издан. В СССР трехтомник «Военных дневников» выпущен в 1968–1971 гг. «Воениздатом», перевод выполнен с немецкого издания (Haider F. Kriegstagebuch. Tagliche

Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962–1964). В дневниках мы не видим даже намека на существование предвоенных секретных договоренностей о разделе Польши в виде известного нам «секретного протола» от 23 августа 1939 г. Наоборот, приведенные им сведения заставляют еще больше усомниться в его существовании

Молотов

Компетентно ответить на вопрос о существовании «секретных протоколов» могли только Риббентроп и Молотов, Шуленбург. И еще, разумеется, Сталин и Гитлер. К свидетельствам остальных, которые, дескать, «держали в руках», «видели собственными глазами» или «стояли за спиной» следует относиться осторожно.

Шуленбург казнен нацистами в 1944 г., как участник заговора против Гитлера. Риббентроп повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г. После были выпущены его мемуары (ниже рассмотрим их подробно), однако в их авторстве приходится сомневаться. Сталин умер в 1953 г. При жизни советского вождя перед ним никто вопроса о «секретных протоколах» не поднимал – ни союзники по антигитлеровской коалиции, ни противники по Холодной войне.

Вячеслав Михайлович Молотов не оставил мемуаров, однако в течение последних 17 лет его жизни беседы с ним записывал литератор Феликс Чуев. В 1991 г. он выпустил книгу «Сто сорок бесед с Молотовым». Привожу подборку цитат из книги.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине; Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к се-

бе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну, хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам».

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, поэтому, неплохо.

Визит Молотова в Берлин. Ноябрь 1939 г.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

– Но ведь первый приехавший мог предупредить других, – говорю я.

– А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была тако-

ва, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами – фашистской Германией и советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки неприемлемо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска.

Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились.

Они должны были согласиться. Это их инициатива – Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно, принадлежит Советскому Союзу.

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели.

Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви – потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но

понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

24.07.1978

– А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

– Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

– Да, да.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

– А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

– Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились. Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали.

– Гитлер им сказал: «Отдайте, я скоро верну!»

– Они под его руководством все время... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, – говорит Молотов вроде серьезно, кто его не знает,

может, так бы и понял, – границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» – «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» – «Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» – посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» – «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» – «Надо решать. А украинцы теперь – и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»

Как это называется... Буковина.

Вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился.

Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись.

Окончательное разграничение было после войны. Некоторые удивлялись: при чем тут Черновицы и Россия? Никогда такого не было!

25.04.1975, 30.09.1981

– Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии.

– Это там, в Германии?

– Здесь, на обеде. Они поднимали тост за Сталина, я-за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия.

12.03.1982

– Ходят разговоры о том, что перед войной вы со Сталиным, чтобы задобрить Гитлера, решили отдать ему Прибалтику...

– Это не имеет ничего общего с действительностью. Мы прекрасно понимали, что Гитлера подобный шаг не только не остановит, но, наоборот, разожжет его аппетит. А нам самим пространство нужно.

– Писатели это говорят...

– Писатели могут быть обывательского толка. Абсолютная ерунда. Прибалтика нам самим была нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.